

МАРИНА СТЕПНОВА

ЭФИР

Часть сборника: Счастье-то какое! (сборник)

Марина Степнова

Эфир

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степнова М. Л.

Эфир / М. Л. Степнова — «АСТ», 2018

«Милости просим. Заходите в пестрый мир нового русского счастья... Вы и сами не заметите, как в погоне за его призраком окажетесь в сладком уединении, в чужом городе – однако ненадолго; как поколотите замучившего всех гада, как будете ждать рождения нового человека, как встретите брата из армии, жадными ложками будете глотать свадебный торт, запивая испанским хересом, – словом, заживете жизнью героев истории».Произведение входит в сборник «Счастье-то какое!»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степнова М. Л., 2018
© АСТ, 2018

Марина Степнова

Эфир

© Марина Степнова, 2018.

© Составление, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018.

МАРИНА СТЕПНОВА. Прозаик, редактор, переводчик. Автор романов «Хирург», «Женщины Лазаря» (удостоен премии «Большая книга»), «Безбожный переулок» и книги рассказов «Где-то под Гроссето». Текст «Эфир» предоставлен специально для сборника «Счастье-то какое!» и войдет в новый роман М. Степновой.

Утром 31 марта 1870 года стало ясно, что до вечера Надежда Александровна Борятинская не доживет.

Это понимали все – и князь, и Танюшка, и терпеливо дремлющий в гостиной батюшка, уже дважды соборовавший не заметившую этого страдальцу, и петербургский доктор, месяц проживший в доме, но так и оставшийся безымянным, чужим. Попрытались по им одним известным закоулкам и углам сбитые с толку, напуганные слуги, и сам дом застыл, сжался, словно готовился к удару извне. Только сад шумел как ни в чем не бывало – мокрый, черный, веселый, словно лаком залитый гладким солнечным светом. Сад чавкал жидкой грязью, шуршал недавно вернувшимися грачами, то и дело встряхивался, роняя огромные радостные капли.

Набирался сил.

И Надежда Александровна, слушая этот влажный радостный законный шелест и переплеск, единственная не знала, что умирает.

Она рожала вторые сутки и последние несколько часов уже не чувствовала боли, потому что наконец вся находилась внутри нее, как будто в сердцевине тонкого, докрасна раскаленного, жидкого шара, который всё выдувал и выдувал из трубки громадный меднорукий ремесленник из Мурано, и всякий раз, когда шар, медленно поворачиваясь, вспыхивал огненным и золотым, Надежда Александровна изумленно всплескивала руками и, забыв приличия, всё тянула за рукав молодого мужа, который вдруг, в незамеченный ею момент, превратился в отца и взял восхищенную маленькую Наденьку на руки, а стеклодув всё округлял херувимно щеки, усердствуя, и густой стеклянный пузырь становился больше и больше, так что Наденька и боялась, что он лопнет, и хотела этого. Сквозь тягучее и алое изредка мелькали чьи-то лица, неузнаваемые, далекие, чужие, а потом отец тоже исчез, и Надежда Александровна, жмурясь от жара, осталась внутри огненного шара одна.

Нет, не одна, это она теперь держала на руках ребенка – девочку лет пяти, горячую, необыкновенно тяжелую, и девочка эта непостижимым образом была и ее дочь, и она сама. Девочка подпрыгивала, тянулась к чему-то, чего Надежда Александровна не видела и не могла, но всякий раз, когда мягкие детские кудряшки, подхваченные рдеющими шелковыми лентами, касались ее щеки, испытывала острую, долгую судорогу счастья.

В том, что Борятинская умирала и не знала об этом, было великое милосердие, громадный и ясный промысел, который она ощущала так же верно, как тяжесть ребенка, сидящего на ее правой руке, и тот же промысел переполнял живительными соками мокрый сад за окном, и только шум этого пробуждающегося весеннего сада и держал еще Надежду Александровну в этом мире, точнее – она держалась за этот шум, будто за прохладную, немного влажную ладонь кого-то самого важного в жизни, родного.

Вся эта громадная, напряженная жизнь умирания никак не была видна снаружи, и для всех вокруг Надежда Александровна, измученная, с плоским, серым лицом, просто лежала у

себя в спальне, придавленная громадным, изредка шевелящимся животом, и каждые четверть часа кричала так ужасно, что в сотне шагов от дома лошади в конюшне шарахались, будто от выстрела, и копытами выбивали из стен сочную щепу. Постель под Надеждой Александровной, холодную, тяжелую, промокшую от пота насквозь, переменяли тоже каждую четверть часа – и весь страх был в том, что эта четверть часа, отмерявшая промежутки от одной муки до другой, не менялась, не уменьшалась, хотя должна была. Это все понимали, даже нерожавшая Танюшка, самолично перестилавшая гладкие простыни, ладонью проверявшая каждую складочку на очередной сорочке – чтобы не заломилась, не дай Бог, не принесла лишней боли.

Зареванная так, что едва видела свет сквозь глянцево-слипшиеся напухшие веки, Танюшка все эти страшные дни не пила, не ела, выходила из спальни княгини только для того, чтобы шикнуть на ошалелую от усталости прислугу, но сквозь непритворную, по жилкам распускающую жалость все-таки тихо гордилась тем, что всего-то ее стараниями у господ напасено вдоволь – и простыней, и полотенец, и салфеток. Уж, кажется, десятками, сотнями изводили, а в лавандой надушенных шкафах всё не убывало, и на кухне вторые сутки дрожала в медных котлах тихая густая вода: одно полешко добавишь – в минуту закипит, и даже сыты в доме эти дни все были ее, Танюшкиными, умелыми незаметными распоряжениями. Ненавидела себя за гордыню эту греховную. Чего только ни перепробовала – и молитву преподобному Алексию, человеку Божьему, по молитвослову вычитывала, и под коленкой себя до синевы щипала, – а всё равно гордилась. А еще – нет-нет да и выгадывала – быстро, будто кусок со стола воровала, – что и как будет, когда... Князь ведь – и года не пройдет как наново женится. И конец всему тогда – власти, покою, уважению. Как бы и вовсе из дому не попросили. А то и самой наперед уйти, не унижаться. Да куда только? Ведь с тринадцати годков при барышне. Всю свою жизнь ей под ножки белые положила. Танюшка взывала внутри себя, низко, жутко, густо – ыыыы! Тыкалась в край только что перестеленной постели, искала губами хозяйкину руку, но пальцы, прежде бесчувственно стиснутые, в полдень 31 марта вдруг ускользнули – побежали суетливо по одеялу, по простыням, пригладили волосы, затеребили на рукавах сорочки кружева и мережки, будто готовясь к близкой уже, невысказанно важной встрече.

Надежда Александровна обиралась.

Танюшка присмотрелась – и завывала уже в голос, открыто, забыв про подлые свои мысли – от животной, невозможной жалости; и словно в ответ, закричала, корчась от новой бесполезной схватки, Надежда Александровна – и на двойной этот крик сорвался с кушетки в своем кабинете Борятинский, от отчаяния за эти дни совершенно оцепеневший, прибежал, колыхая чревом, батюшка, грохнула хрупкую стопу фарфора ошалелая кухарка, загомонили, сталкиваясь, слуги – кончается, ой, помилуйгосподи, кончается-а-а-а!!! И даже на гладком голубовом лице доктора мелькнуло что-то вроде человеческого чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.